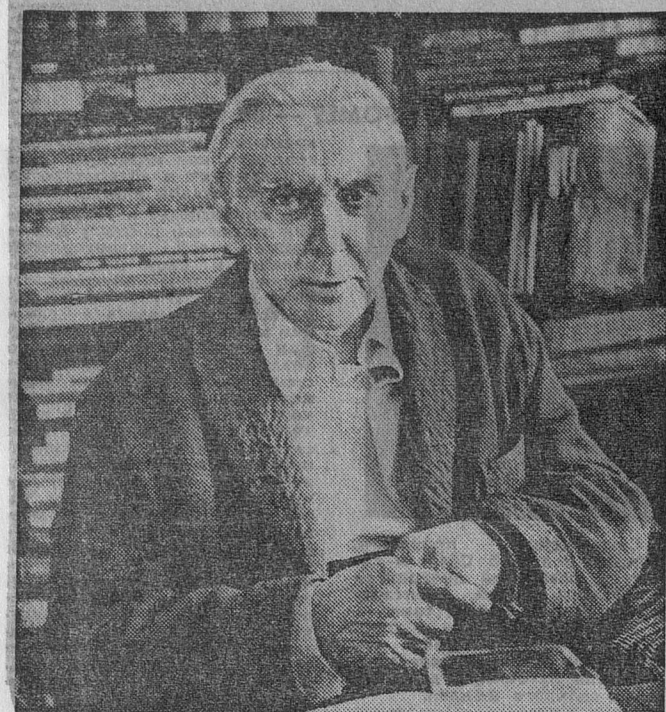

СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ, СУДЬБЫ ВЕКА...

90-летие со дня рождения К. А. Федина приходится на то знаменательное время, когда все народы нашей страны готовятся отметить 60-летие своей Родины — Союза Советских Социалистических Республик. И это не просто совпадение. Федин как художник рожден революцией, прошел со своей страной ее путь «восхождения и творчества».

Слитность художника со своей эпохой, честное и самоотверженное служение Родине — вот главный итог его жизни и творчества. «Быть нужным своему времени, своему обществу, своему народу — вот за чем я пишу» — в этих словах писателя пафос всей его деятельности.

Его творческая биография сливается с «биографией века». За более чем полувековую жизнь в литературе он создал произведения, отразившие эпоху великих перемен и великих свершений. Его перу принадлежат произведения самых различных жанров: романы и повести, рассказы и очерки, литературные портреты и критические статьи, мемуары и публицистика, мудрые литературоведческие размышления и оценки. Но его талант нашел свое наиболее полное раскрытие в романтизме. Именно Федин-романист близок многим поколениям читателей, живет в нашей современности, заслуженно любим нашей молодежью.

Созданные им семь романов — огромный вклад в советскую романистику, примечательные вехи в истории советского и мирового романа, духовное достояние литературной современности.

Каждый роман значителен сам по себе, но, взятые вместе, они как бы образуют своеобразный цикл, объединенный постоянным стремлением автора найти образ времени и включить его в повествование на равных и даже предпочтительных правах с героями. Это судьбы человечества, события жизни своего народа, крутые перемены и поворотные периоды в истории нашей Советской Родины. Германия и Россия времени первой мировой войны и революции («Города и годы», 1924), революция и

гражданская война («Братья», 1926—1928), мир капитализма и новая жизнь в Советской стране («Похищение Европы», 1930—1935), люди нового и старого мира перед ликом смерти («Санаторий «Артгур», 1940), события 1910, 1919 и 1941 годов в трилогии «Первые радости», «Необыкновенное лето», «Костер».

В романах изображены события огромного исторического значения, но главное в них — людские судьбы в водовороте событий. Уже первый роман выводил молодого писателя на сложнейшие проблемы исторического бытия народа. И был одним из первых произведений о только что минувшей гражданской войне. Писатель понял и показал движение времени и выдвинул дальновзоркие, целиком оправдавшие себя прогнозы.

Все последующие романы воплощают историзм в эстетическом освоении действительности, исторический взгляд на современность, понимание движения истории в будущее и роль в ней тех, кого он называл «двигателями истории». «Грохот истории», — пишет Федин, — одних оглушает, в других будит самоотреченные силы героизма. Эти силы героизма в действиях и поступках, в социальном облике и нравственном поведении его любимых героев — Кирилла Извекова, Петра Рагозина, Анны Улиной.

Главным делом творческой жизни Федина, вершиной ее, наиболее талантливым выражением его эстетических принципов явилась трилогия, работа над которой продолжалась более четырех десятилетий. Она ввела в духовный мир читателей значительных и незабываемых героев, доставила то огромное художественное наслаждение, какое только и дает большое искусство.

Особое место в трилогии занимает «Костер». «Человек в войне» — так определил писатель его тему. Человек, его качества и ценность проверяются самыми суровыми испытаниями войны.

Охват исторических событий, широта и сложность про-

К 90-летию со дня рождения

К. А. ФЕДИНА

лематики, умение раскрыть судьбы личности в судьбах народа, изощренная, точная, красивая русская речь, мастерство композиции, подлинная народность сделали трилогию одним из вершинных произведений советской литературы.

Главнейшей особенностью художественного стиля писателя, наиболее полно воплотившейся в трилогии, является особый и драгоценный сплав историзма и автобиографизма, народоведения и краеведения. Часто и охотно он использовал в повествовании материалы из жизни родных мест, извлекая их из «кладовых памяти», подкрепляя воспоминаниями, полученными во время приездов в родные волжские места. Детали и факты, сама «топография» Саратова, его улицы и окрестности позволяли ему творить мир реальных людей, сложных характеров, драматических судеб и трагических коллизий. Яркий и многоцветный мир «знакомых незнакомцев» вобрал в себя реальные черты тех, кто в пред-революционные годы, в годы гражданской войны, в испытаниях Великой Отечественной войны мог с гордостью и достоинством сказать о себе: «Мы из Саратова!»

Но писатель менее всего ограничивал себя «околицей» родных мест, для него, по меткому определению Горького, краеведение — «превосходный источник народоведения». В его лучших произведениях современный читатель видит свой народ в разные моменты истории: в годы борьбы с царизмом, в напряженные годы гражданской войны, в первые годы пятилеток, в грозные месяцы Великой Отечественной войны.

Перед взором читателя возникают трудные, переломные, трагические времена в истории своего народа, эпоха зарождения, становления, напряженной борьбы народа за свое счастье.

14 миллионов экземпляров творений Федина ныне на духовном вооружении читателей. К ним прибавляются все новые и новые издания, готовится к выпуску первое, наиболее полное издание сочинений писателя, появляются книги о его жизни и творчестве. Недавно к читателям пришли любовно собранные его дочерью Ниной Константиновной и великолепно изданные «Воспоминания о Константине Федине».

Я пишу эти строки в Саратове, городе, который радостно и торжественно отмечает славную дату своего верного сына. Люди нашего города и многие приезжие здесь, в музее Федина, расположенном в старинном здании Сретенского училища, где он начал первые годы учения, знакомятся со страницами его большой жизни. В эти дни здесь состоится научная конференция, посвященная проблемам его творчества.

Полны глубокого смысла и справедливы по отношению к Федину те слова, которые он когда-то сказал о Горьком: «...каждый шаг писательского бытия он выводил из событий своего времени».

Жизнь писателя — в его книгах; с нами немеркнувшее во времени творческое наследие Константина Александровича Федина.

П. БУГАЕНКО
САРАТОВ

Фото В. КРОХИНА

Константин Федин подружился с Всеволодом Ивановым сразу же по приезде последнего из Сибири в Ленинград (тогда еще Питер). В архиве Вс. Иванова хранится недатированная записка К. Федина: Всеволодушка, скажи мне, когда ты приехал в Питер — в каком месяце 1920-го года — и когда, по-твоему, мы встретились у Ал[ексея] Макс[имовича]? Обнимаю. Конст.

Эта встреча произошла в начале 1921 года, с тех пор минуло более четырех десятилетий, и, прощаясь в 1963 году с другом навсегда, Федин написал: «Все наши десятилетия безустального марша по жизни мы шагали с ним в ногу. И я не помню, чтобы в любую, даже самую тяжкую, годину после любой встречи с ним мне не становилось бы легче».

Работая над мемуарной прозой, писатели нередко обращались друг к другу, чтобы проверить свою память. Так, в сентябре 1958 года Вс. Иванов просит К. Федина вспомнить обстоятельства появления в печати статьи «Почему мы «Серапионовы братья»» (как известно, в начале 20-х годов К. Федин и Вс. Иванов вместе с Н. Тихоновым, М. Зощенко, М. Слонимским, В. Навериным и другими молодыми писателями входили в литературную группу, которая носила название «Серапионовых братьев»). К. Федин ответил:

20/IX-58
Милый Всеволод, в данном случае на меня положить можешь: статья Лунца («Почему мы «Серапионовы братья»») подписана была только Лунцем.

Я был в числе недоумевающих серапионов, когда прочитал эту статью в «Литературных» записках: почему Лунц нам ее даже не прочитал, прежде чем опубликовать?!

Вот так-то. Можешь спокойно положиться на нас троих: ты, я да Шкловский! — это уже порядочный кусок истории нашей лит-ры, а историки истории никогда не знают. Целую.

Конст.
К 5-летию основания «Серапионовых братьев» К. Федин предпринимает попытку издать одноименный альманах.

Ленинград, 30.XI.1925
Все еще Литейный.
Милый, трезвый Всеволод, отвечаю по горячке следу: только что принесил твоё письмо. Не писал, потому что — где же тебя изловить на Кавказе!.. Очень хочу получить твои последние книги, особенно — с посвященным мне рассказом, пришли мне, пожалуйста! У нас здесь вовсе — монастырь! До чего тихо!! Лавы спят вместе с обезьянами и ослами, при этом все улыбаются. До чего скучно!.. Додумался я до... альманаха «Серапионовы братья». Говорю серьезно. Вот план: выпустить к 1-му февраля (пятилетие!) сборник с участием всех (покойного Лунца в том числе) серапионов; поэзия, проза, статьи («Пять лет» — этак «информационно!», «Памяти Лунца»), библиография... Рассказы должны быть «вообще», по возможности нечестива.

С той же просьбой Вс. Иванов обращался и к В. Шкловскому.

Свои фотографии поменяю, потому без объяснений не понять.

26.III.1926. Ленинград
Милый мой дружище, фотографии получил — спасибо.

И. С. Соколов-Минитов.
«Города и годы».

обычные... но очень хорошие. Довольно по одному листу на брата... Этого только и надо, чтобы сделать действительно хорошее, полезное для наших дней дело. Весь облик альманаха должен быть неожиданностью...

Жил я летом три месяца у Соколова², в деревне. Охотился, убил волка на облаве (горжусь), ловил рыбу. Очень хорошо. Пишу теперь деревенские рассказы. Впрочем, вру. Пишу сейчас сценарий по своему роману³, для «Пролеткино», ставить будут на широкую ногу, поедут в Германию... Кажется, что мир будет пре-

Большой мастер в этом деле — Леонов, скажи ему — приеду сниматься. Твои «блины» плохи. Если бы ты этак начал в литературе — куда бы ты годился? Но не отчаивайся, не боги горшки обжигают, работай, терпи — станешь Наппельбаумом! За границей, братишка, хорошо снимают: Горький прислал мне свой портрет — здорово и просто! Ты это правильно сделал, что начал заниматься ручкомеслом. В нашем деле это полезно, и я тоскую по какому-нибудь нерукописному труду. Но, поверишь ли? — все мне скучно! Портным, что ли, стать?..

ДРУЖБА, ОСЕНЕННАЯ ГОРЬКИМ

Архив
«ЛГ»

красен тогда, когда напишу еще роман... просто — роман, как это делают иностранцы. Задумал...

Твой Константин
В 1926 году Вс. Иванов ушелся фотографией, 4 марта 1926 г. Дорогой Костя... Сажу — пишу, в свободное время занимаюсь фотографией. Посылаю тебе снимки с Пильняка — очень плохо, но это первые. И еще Леонов занимается фотографией — так мы ходим и снимаем друг друга. Большие снимки — это его работа.

Пильняк уже в Китае. На дворе гололедица, на той неделе начинаю жрать блины — масленица. В Москве поживу еще месяца полтора — приезжай на блины, на день-два. Уж и угощу я тебя — отомщу за твоё угощение полностью. Целую крепко.

Всеволод
Свои фотографии поменяю, потому без объяснений не понять.

26.III.1926. Ленинград
Милый мой дружище, фотографии получил — спасибо.

И. С. Соколов-Минитов.
«Города и годы».

этой — должно быть не коллективного, а единичного характера⁴, и я твоё имя переносу в титул, в заглавие следующей повести...

Следующая (начатая) моя повесть будет о гражданской войне, и ее посвящу я тебе, если только она будет хорошей, с тем большей радостью, что буду чувствовать себя в этом отношении твоим должником, хотя и добровольным. Извини, дорогой, эту неврастению!.. Целую.

Твой Конст.
2.I.1960, Барвиха
Дорогие Тамара Владимировна и Всеволод Вячеславович, Всеволодушка тоже!

С Новым годом, с новым счастьем на долгие времена, а не только на год! Сегодня Нина⁵ с внучатами были у меня в санатории, где я — впервые в одиночестве — встретил шестидесять годов... Привезла Ваши милые индийские письма⁶. Спасибо.

Твоя Индия, Всеволод, вела тебя пешком к себе, и это было легче, чем слетать к ней

ся в подготовку IV Всесоюзного совещания молодых писателей и одновременно IV пленума правления Союза писателей СССР, намеченных на сентябрь 1962 г. От наших усилий в области идейно-воспитательной работы с молодежью во многом зависит будущее нашей литературы...

Очень хотелось бы, чтобы Вы выступили со статьей, обобщающей Ваш огромный личный литературный опыт, или со статьей, построенной на анализе творчества молодых, их сильных и слабых сторон. Сборник таких статей готовит по поручению секретариата Союза писателей издательство «Советский писатель».

Работа над статьей послужила бы подготовкой и Вашего выступления на совещании молодых или на пленуме правления Союза писателей СССР, который будет посвящен итогам совещания молодых и перспективам развития нашей литературы.

Сердечно Вас приветствую!

К. ФЕДИН
Милый Всеволод, пожалуйста, сделай что-нибудь для молодых — твоё любое участие в этом деле (ты это знаешь) очень и очень нужно. Эта моя просьба на «ты», надеюсь, подкрепит обращение к тебе на «Вы».

Твой К. ФЕДИН
Последнее письмо обращено к Т. В. Ивановой: 26.IV.1970, дача

Дорогая Тамара Владимировна, я сегодня пристальнее, чем в первый раз, прочитал публикацию Вашу из дневников etc. Всеволода Иванова...

Много интересного, замечательного содержат эти новые строчки из оставленных нам памятных рукописей Всеволода Иванова...

Самой собой, ни с чем не сравнишь признания, «тайны» художника, доверительно высказанные им в этом наборе отрывков, останавливающих на себе чувства и мысль читателя. Фантастика и настоящий шквал страстей, а рядом (так неожиданно!) увлекательная методика литературоведа и запоев стилиста, где мудрость сочетается со взрывами сатиры, а то и с хохотом простака⁷.

К такой книге можно возвращаться без всякого повода, и в ней найдешь, чуть не на каждой странице, повод достаточный, чтобы все выше и жарче оценить кипучий талант Всеволода Иванова.

Какую битву вел этот талант за свое место в русской советской литературе, в какой буре велась эта битва — и неужели пора признания талантов всегда так далеко отстоит от труднейших годин их зрелания?

Мы еще не знаем всего художника Вс. Иванова. А знание его будет приобретением богатым.

Еще раз благодарю Вас, дорогая Тамара Владимировна. Всего Вам хорошего.

Ваш Конст. ФЕДИН
Публикация
Т. В. ИВАНОВОЙ

28 июня 1962 г.
Дорогой Всеволод Вячеславович!

Очень прошу Вас включить

⁴ Повесть вышла с посвящением: «Николаю Копелю, с которым я прожил две жизни».

⁵ Дочь К. Федина.

⁶ В 1959 г. Вс. Иванов побывал в Индии.